

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. Н. Толстой

ДЕТСТВО НИКИТЫ

Школьная библиотека (Детская литература)

Алексей Толстой
Детство Никиты

Издательство «Детская литература»

1922

УДК 821.161.1-31
ББК 84(Рос=Рус)6-44

Толстой А. Н.

Детство Никиты / А. Н. Толстой — Издательство «Детская литература», 1922 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-005858-5

В этой повести описывается год из жизни маленького Никиты перед началом учебы в гимназии. Читатель погружается в жизнь десятилетнего мальчика в деревне, в его эмоции, ощущает вместе с ним радости и печали. Никита видит красоту русской природы, уклад жизни простых людей. Но мальчик не просто наблюдает за жизнью крестьян и созерцает, он по-настоящему живет, проживает наполненно каждый день. Книга написана А. Н. Толстым, тонким психологом, и передает точную атмосферу дворянского помещичьего быта второй половины XIX века. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005858-5

© Толстой А. Н., 1922
© Издательство «Детская литература», 1922

Содержание

«Повесть о самых необыкновенных вещах»	8
Детство Никиты	10
Солнечное утро	13
Аркадий Иванович	14
Сугробы	16
Таинственное письмо	18
Сон	19
Старый дом	22
У колодца	24
Битва	26
Чем окончился скучный вечер	29
Виктор и Лиля	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алексей Толстой

Детство Никиты

© Толстой А. Н., наследники, 1922

© Андроников И. Л., наследники,

© Рытман А. А., иллюстрации, 2018

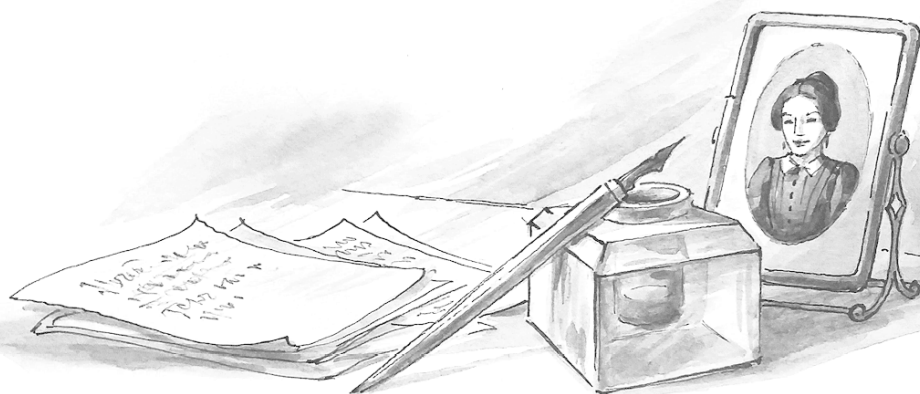
© Оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2018

Алексей Плещин

«Повесть о самых необыкновенных вещах»

Сколько превосходных книг написано о детстве замечательных революционеров, ученых, изобретателей, путешественников, полководцев, поэтов! Сколько читали мы о подвигах юных героев, совершенных в мирной жизни и на войне! Но есть среди книг о детстве особые. Они рассказаны писателями от первого лица и основаны на их собственных впечатлениях – на воспоминаниях своего детства. Кто не читал «Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Тёмы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство» и «В людях» М. Горького!

К числу самых талантливых книг, в которых раскрывается внутренний мир подростка, принадлежит «Детство Никиты» – повесть замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого (1883–1945).

Эта книга, написанная в 1919–1920 годах, называлась первоначально «Повесть о самых необыкновенных вещах». Много в этой книге близко напоминает детство самого автора. Так же как и Никита, Алексей Толстой провел детские годы на степном хуторе, в Поволжье, недалеко от Самары. В своей повести он сохранил не только название хутора – Сосновка, но даже некоторые имена. Мать Толстого звали Александрой Леонтьевной, учителя – Аркадием Ивановичем Словоохотовым. Мишка Коряшенок тоже существовал; так его и звали в действительности. А маска Пушкина, которую Толстой упоминает в главе «Елка», до конца его жизни висела в кабинете над конторкой, стоя за которой он написал лучшие свои сочинения.

Подростком, живя на хуторе, Толстой дружил с деревенскими ребятами, купался в степной речонке Чагре, бегал на пруд, окруженный высокими вёслами, катался верхом. За садом расстилались ковыльные степи. И явления природы – знойный, засушливый день, и ночная гроза, и осенний перелет птиц, снежный буран, ледоход на реке – все это составляло огромные события в жизни будущего писателя. С тех, детских, лет и полюбил Толстой волшебную русскую природу, узнал богатую, образную народную речь. И хотя он жил в барском доме, а не в людской, рос и развивался он среди народа, изо дня в день видел тяжелую в ту пору крестьянскую жизнь и великий крестьянский труд. В «Детстве Никиты» он представил эту жизнь безмятежной, в одних поэтических чертах, как воспринял ее в раннем возрасте. По-иному изобразил он ее в других сочинениях. Особенно чувствуется это поразительное знание народной крестьянской жизни, когда читаешь исторический роман А. Н. Толстого «Петр I», где уже на первой странице открывается дверь избы и в клубах пара, переминаясь с ноги на ногу, выбегают на мороз крестьянские чада, разутые, в одних рубашонках.

Своим уважением к народу Толстой наделил и Никиту. Самым авторитетным лицом Никита считает работающего на скотном дворе Мишку Коряшонка – подпаска. Этот серьезный и рассудительный паренек, который, в подражание взрослым, говорит с напускным равнодушием, занимает в повести очень важное место. Хотя он и маленький, но в его замечаниях, советах и поступках уже ясно виден русский склад ума и русский характер.

Чудесный русский парнишка и другой знакомец Никиты – вихрастый, курносый и большеротый Стёпа Карнаушкин с «заговоренным кулаком». Компанию деревенских друзей Никиты дополняют Сёмка, Лёнька, Артамошка-меньшой, Нил, Ванька Черные Уши и бобылёв племянник Петрушка.

Целыми днями крутится Никита во дворе, у колодца, в каретном сарае, в людской, на гумне... Конечно, всего понятнее для него суждения Мишки Коряшонка. Но не менее важно и то, что сказал или сделал плотник Пахом, рабочий Василий, сутулый Артём...

В этой чистой и ясной книге, рассказанной с шутилой улыбкой, с великолепным и сочным юмором, раскрыт большой мир и глубокие чувства и взрослых и детей. А достигнуто это средствами очень скупыми. Много ли рассказал Толстой об Аркадии Ивановиче? А между

тем из загадочных улыбок Аркадия Ивановича, из пронизательных взглядов и хитрых намеков, упоминаний о том, как морщит он губы, в сотый раз перечитывая письмо своей Вассы Ниловны – учительницы, на которой мечтает жениться, – из этих отдельных черточек возникает живой человек – умный, славный и при этом отличный педагог. Как много узнаём мы об отношении матушки к отцу Никиты, Василию Никитьевичу, еще прежде, чем он появляется в книге. И какой достоверный характер у самого Василия Никитьевича – взбалмошного, нетерпеливого, увлекающегося, действующего под влиянием минуты, – едет на ярмарку, чтобы продать кобылу Заремку и на вырученные деньги «страшно недорого и совершенно случайно» покупает целую партию ненужных ему верблюдов. Как отчетливо выписан образ Анны Аполосовны с ее грузной фигурой и густым голосом, от которого звенят стекляшки под лампой. Как помнится всё, что сказано о Лиле, о ее брате – гимназисте Викторе Бабкине, о «седьмом ребенке Петра Петровича» – Анне, которая по всякому поводу восклицает: «Неправдычка!» Все помнится – даже маленький мальчик в мамкином платке, повязанном крест-накрест.

«Детство Никиты» принадлежит к удивительным книгам: прочтешь, и хочется пересказать ее всю – от слова до слова. Радует каждая фраза. Как празднично описаны морозные узоры на окнах! Какими теплыми кажутся солнечные квадраты на полу горницы! Так и видишь на снегу «синие следы зайцев» и «стеклянные следы полозьев», которые «бегут» от дома через весь двор. Никита подходит к окну, смотрит на заваленный снегом сад. На ветке сирени сидит «черная головастая ворона, похожая на чёрта». Никита постучал пальцем в окно. «Ворона шарахнулась боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей». Кажется, что она каркнула, хотя про это не сказано.

Читая книгу, чувствуешь, что каждое слово, которое ставит Толстой, – самое точное, единственно верное слово. Морозным утром «хрустят» ступени под шагами Никиты. Обычно говорят: «хрустит снег». У Толстого – ступени. Про воздух, который колет щеки иголочками, писатель сказал: «Воздух морозный и *тонкий*». Тонкий воздух! Кажется, что Толстой надевает нас еще неведомой остротой чувств – учит постигать прелесть весеннего вечера, когда на зеленом небе затеплилась первая, «чистая, как льдинка, звезда», учит вглядываться в мигание молний над темным июльским садом, слышать жар летней степи, горячей от спелых хлебов, вековечный свист ветра в ушах, когда скачешь на лошади.

В самых обыкновенных событиях жизни Никиты Толстой находит неизъяснимую прелесть – в решении арифметических задач, в писании диктанта, в скучном вечере, который кончился приездом гостей. Поэзия разлита во всем, что окружает этого мальчика – нежного, наблюдательного и очень серьезного. Все полно для него значения, все можно, все интересно. Благодаря этому даже собаки Шарок и Каток, даже кот Василий Васильевич, еж Ахилка, скворец Желтухин, как в сказке, наделены в этой книге характерами и занимают в ней важное место.

Но вот дочитана повесть. Вы чувствуете, что подружился с Никитой, навсегда полюбили этого доброжелательного десятилетнего человека. Вы словно прожили с ним целый год – от зимы до зимы – и вместе с ним повзрослели. Вместе с ним вы научились видеть необыкновенное в самых обыкновенных вещах, с новой силой и свежестью ощутили любовь к русским людям, к русской земле и русской природе. И узнали еще душевные и умственные черты, из которых сформировался потом талант великого русского писателя Алексея Толстого.

Ираклий Андроников

Детство Никиты

*Моему сыну
Никите Алексеевичу Толстому
с глубоким уважением посвящаю
Автор*

Солнечное утро

Никита вздохнул, просыпаясь, и открыл глаза. Сквозь морозные узоры на окнах, сквозь чудесно расписанные серебром звезды и лапчатые листья светило солнце. Свет в комнате был снежно-белый. С умывальной чашки скользнул зайчик и дрожал на стене.

Открыв глаза, Никита вспомнил, что вчера вечером плотник Пахом сказал ему:

– Вот я ее смажу да полью хорошенько, а ты утром встанешь – садись и поезжай.

Вчера к вечеру Пахом, кривой и рябой мужик, смастерил Никите, по особенной его просьбе, скамейку. Делалась она так.

В каретнике¹, на верстаке, среди кольцом закрученных пахучих стружек, Пахом выстрогал две доски и четыре ножки; нижняя доска с переднего края – с носа – срезанная, чтобы не заедалась в снег; ножки точеные; в верхней доске сделаны два выреза для ног, чтобы ловчее сидеть. Нижняя доска обмазывалась коровьим навозом и три раза поливалась водой на морозе, – после этого она делалась как зеркало, к верхней доске привязывалась веревочка – возить скамейку и когда едешь с горы, то править.

Сейчас скамейка, конечно, уже готова и стоит у крыльца. Пахом такой человек. «Если, – говорит, – что я сказал – закон, сделаю».

Никита сел на край кровати и прислушался: в доме было тихо, никто еще, должно быть, не встал. Если одеться в минуту, безо всякого, конечно, мытья и чищения зубов, то через черный ход можно удрать во двор. А со двора – на речку. Там на крутых берегах намело сугробы, – садись и лети...

Никита вылез из кровати и на цыпочках прошелся по горячим солнечным квадратам на полу...

В это время дверь приотворилась, и в комнату просунулась голова в очках, с торчащими рыжими бровями, с ярко-рыжей бородкой. Голова подмигнула и сказала:

– Встаешь, разбойник?

---

¹ Карётник – сарай, куда ставят кареты.

Аркадий Иванович

Человек с рыжей бородкой – Никитин учитель, Аркадий Иванович, все пронюхал еще с вечера и нарочно встал пораньше. Удивительно расторопный и хитрый был человек этот Аркадий Иванович. Он вошел к Никите в комнату, посмеиваясь, остановился у окна, подышал на стекло и, когда оно стало прозрачное, поправил очки и поглядел на двор.

– У крыльца стоит, – сказал он, – замечательная скамейка.

Никита промолчал и насупился. Пришлось одеться и чистить зубы и вымыть не только лицо, но и уши и даже шею. После этого Аркадий Иванович обнял Никиту за плечи и повел в столовую. У стола за самоваром сидела матушка в сером теплом платье. Она взяла Никиту за лицо, ясными глазами взглянула в глаза его и поцеловала:

– Хорошо спал, Никита?

Затем она протянула руку Аркадию Ивановичу и спросила ласково:

– А вы как спали, Аркадий Иванович?

– Спать-то я спал хорошо, – ответил он, улыбаясь непонятно чему в рыжие усы, сел к столу, налил сливок в чай, бросил в рот кусочек сахара, схватил его белыми зубами и подмигнул Никите через очки.

Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце ёкало. Например, кажется, ясно спросила мама: «Как вы спали?» Он ответил: «Спать-то я спал хорошо», – значит, это нужно понимать: «А вот Никита хотел на речку удрать от чая и занятий; а вот Никита вчера вместо немецкого перевода просидел два часа на верстаке у Пахома».

Аркадий Иванович не жаловался никогда, это правда, но зато Никите все время приходилось держать ухо востро.

За чаем матушка сказала, что ночью был большой мороз, в сенях замерзла вода в кадке, и когда пойдут гулять, то Никите нужно надеть башлык².

– Мама, честное слово, страшная жара, – сказал Никита.

– Прошу тебя надеть башлык.

– Щеки колет и душит, я, мама, хуже простужусь в башлыке.

Матушка молча взглянула на Аркадия Ивановича, на Никиту, голос у нее дрогнул:

– Я не знаю, в кого ты стал неслухом.

– Идем заниматься, – сказал Аркадий Иванович, встал решительно и быстро потер руки, будто бы на свете не было большего удовольствия, как решать арифметические задачи и диктовать пословицы и поговорки, от которых глаза слипаются.

В большой пустой и белой комнате, где на стене висела карта двух полушарий, Никита сел за стол, весь в чернильных пятнах и нарисованных рожицах. Аркадий Иванович раскрыл задачник.

– Ну-с, – сказал он бодро, – на чем остановились? – И отточенным карандашиком подчеркнул номер задачи.

– «Купец продал несколько аршин³ синего сукна по 3 рубля 64 копейки за аршин и черного сукна...» – прочел Никита.

И сейчас же, как и всегда, представился ему этот купец из задачника. Он был в длинном пыльном сюртуке⁴, с желтым унылым лицом, весь скучный и плоский, высохший. Лавочка его

---

² **Башлык** – капюшон с длинными концами, надеваемый поверх шапки, сшитый из сукна – шерстяной или полушерстяной ткани.

³ **Аршин** – старая русская мера длины, равная приблизительно 71 см.

⁴ **Сюртук** – приталенная мужская одежда с длинными полами.

была темная, как щель; на пыльной плоской полке лежали два куска сукна; купец протягивал к ним тощие руки, снимал куски с полки и глядел тусклыми неживыми глазами на Никиту.

– Ну, что же ты думаешь, Никита? – спросил Аркадий Иванович. – Всего купец продал восемнадцать аршин. Сколько было продано синего сукна и сколько черного?

Никита сморщился, купец совсем расплющился, оба куска сукна вошли в стену, завернулись пылью...

Аркадий Иванович сказал: «Ай, ай!» – и начал объяснять, быстро писал карандашом цифры, помножал их и делил, повторяя: «Одна в уме, две в уме». Никите казалось, что во время умножения «одна в уме» или «две в уме» быстро прыгали с бумаги в голову и там щеко-тали, чтобы их не забыли. Это было очень неприятно. А солнце искрилось в двух морозных окошках классной комнаты, выманивало: «Пойдем на речку».

Наконец с арифметикой было покончено, начался диктант. Аркадий Иванович заходил вдоль стены и особым, сонным голосом, каким никогда не говорят люди, начал диктовать:

– «...Все животные, какие есть на земле, постоянно трудятся, работают. Ученик был послушен и прилежен...»

Высунув кончик языка, Никита писал, перо скрипело и брызгало.

Вдруг в доме хлопнула дверь, и послышалось, как по коридору идут в мерзлых валенках. Аркадий Иванович опустил книжку, прислушиваясь. Радостный голос матушки воскликнул неподалеку:

– Что, почту привезли?!

Никита совсем опустил голову в тетрадку – так и подмывало засмеяться.

– Послушен и прилежен, – повторил он нараспев, – «прилежен» я написал.

Аркадий Иванович поправил очки:

– Итак, все животные, какие есть на земле, послушны и прилежны... Чего ты смеешься?.. Кляксу посадил?.. Впрочем, мы сейчас сделаем небольшой перерыв.

Аркадий Иванович, поджав губы, погрозил длинным, как карандаш, пальцем и быстро вышел из классной. В коридоре он спросил у матушки:

– Александра Леонтьевна, что – письмеца мне нет?

Никита догадался, от кого он ждет письмецо. Но терять времени было нельзя. Никита надел короткий полушубок, валенки, шапку, засунул башлык под комод, чтобы не нашли, и выбежал на крыльцо.

Сугробы

Широкий двор был весь покрыт сияющим, белым, мягким снегом. Синели на нем глубокие человечесьи и частые собачьи следы. Воздух, морозный и тонкий, защипал в носу, иголочками уколол щеки. Каретник, сараи и скотные дворы стояли приземистые, покрытые белыми шапками, будто выросли в снег. Как стеклянные, бежали следы полозьев от дома через весь двор.

Никита сбежал с крыльца по хрустящим ступеням. Внизу стояла новенькая сосновая скамейка с мочальной витой веревкой. Никита осмотрел – сделана прочно, попробовал – скользит хорошо, взвалил скамейку на плечо, захватил лопатку, думая, что понадобится, и побежал по дороге вдоль сада к плотине. Там стояли огромные, чуть не до неба, широкие ветлы, покрытые инеем, – каждая веточка была точно из снега.

Никита повернул направо, к речке, старался идти по дороге, по чужим следам, в тех же местах, где снег был нетронутый, чистый, Никита шел задом наперед, чтобы отвести глаза Аркадию Ивановичу.

На крутых берегах реки Чагры намело за эти дни большие пушистые сугробы. В иных местах они свешивались мысами над речкой. Только стань на такой мыс – и он ухнет, сядет, и гора снега покатится вниз в облаке снежной пыли.

Направо речка вилась синеватой тенью между белыми и пустынными полями. Налево, над самой кручей, чернели избы, торчали журавли⁵ деревни Сосновки. Синие высокие дымки поднимались над крышами и таяли. На снежном обрыве, где желтели пятна и полосы от золы, которую сегодня утром выгребли из печек, двигались маленькие фигурки. Это были Никитины приятели – мальчишки с «нашего конца» деревни. А дальше, где речка загибалась, едва виднелись другие мальчишки, «кончанские», очень опасные.

Никита бросил лопату, опустил скамейку на снег, сел на нее верхом, крепко взялся за веревку, оттолкнулся ногами раза два, и скамейка сама пошла с горы. Ветер засвистал в ушах, поднялась с двух сторон снежная пыль. Вниз, всё вниз, как стрела! И вдруг там, где снег обрывался над кручей, скамейка пронеслась по воздуху и скользнула на лед. Пошла тише, тише и стала.

Никита засмеялся, слез со скамейки и потащил ее в гору, увязая по колено. Когда же он взобрался на берег, то невдалеке, на снежном поле, увидел черную, выше человеческого роста, как показалось, фигуру Аркадия Ивановича. Никита схватил лопату, бросился на скамейку, слетел вниз и побежал по льду к тому месту, где сугробы нависали мысом над речкой.

Взобравшись под самый мыс, Никита начал копать пещеру. Работа была легкая: снег так и резался лопатой. Вырыв пещерку, Никита влез в нее, втащил скамейку и изнутри стал закладываться комьями. Когда стенка была заложена, в пещерке разлился голубой полусвет, – было уютно и приятно.

Никита сидел и думал, что ни у кого из мальчишек нет такой чудесной скамейки. Он вынул перочинный ножик и стал вырезать на верхней доске имя – «Вевит».

– Никита! Куда ты провалился? – услышал он голос Аркадия Ивановича.

Никита сунул ножик в карман и посмотрел в щель между комьями. Внизу, на льду, стоял, задрав голову, Аркадий Иванович.

– Где ты, разбойник? – Аркадий Иванович поправил очки и полез к пещерке, но сейчас же увяз по пояс. – Вылезай, все равно я тебя оттуда вытащу.

Никита молчал. Аркадий Иванович попробовал лезть выше, но опять увяз, сунул руки в карманы и сказал:

---

⁵ Журавли – здесь: шесты у колодцев, служащие рычагами для подъема ведра с водой.

– Не хочешь – не надо. Оставайся. Дело в том, что мама получила письмо из Самары... Впрочем, прощай, я ухожу...

– Какое письмо? – спросил Никита.

– Ага! Значит, ты все-таки здесь.

– Скажите, от кого письмо?

– Письмо насчет приезда одних людей на праздники.

Сверху сейчас же полетели комья снега. Из пещерки высунулась голова Никиты. Аркадий Иванович весело засмеялся.

Таинственное письмо

За обедом матушка прочла наконец это письмо. Оно было от отца.

– «Милая Саша, я купил то, что мы с тобой решили подарить одному мальчику, который, по-моему, вряд ли заслуживает того, чтобы эту прекрасную вещь ему подарили. – При этих словах Аркадий Иванович страшно начал подмигивать. – Вещь эта довольно большая, поэтому пришли за ней лишнюю подводку. А вот и еще новость, – на праздники к нам собирается Анна Аполлосовна Бабкина с детьми...»

– Дальше неинтересно, – сказала матушка и на все вопросы Никиты только закрывала глаза и качала головой: – Ничего не знаю.

Аркадий Иванович тоже молчал, разводил руками: «Ничего не знаю». Да и вообще весь этот день Аркадий Иванович был чрезмерно весел, отвечал невпопад и нет-нет да и вытаскивал из кармана какое-то письмецо, прочитывал строчки две из него и морщил губы. Очевидно, и у него была своя тайна.

В сумерки Никита побежал через двор к людской⁶, откуда на лиловый снег падал свет двух замерзших окошек. В людской ужинали. Никита свистнул три раза. Через минуту появился его главный приятель, Мишка Коряшонок, в огромных валенках, без шапки, в накинутах полушубке. Здесь же, за углом людской, Никита шепотом рассказал ему про письмо и спрашивал, какую такую вещь должны привезти из города.

Мишка Коряшонок, постукивая зубами от холода, сказал:

– Непременно что-нибудь громадное, лопни мои глаза. Я побегу: холодно. Слушай-ка, завтра на деревне кончанских ребят бить хотим. Пойдешь, а?

– Ладно.

Никита вернулся домой и сел читать «Всадника без головы»⁷.

За круглым столом под большой лампой сидели с книгами матушка и Аркадий Иванович. За большой печью – тр-тр, тр-тр – пилил деревяшечку сверчок. Потрескивала в соседней темной комнате половица.

Всадник без головы мчался по прерии⁸, хлестала высокая трава, восходил красный месяц над озером. Никита чувствовал, как волосы у него шевелятся на затылке. Он осторожно обернулся: за черными окнами пронеслась какая-то сероватая тень. Честное слово, он ее видел.

Матушка сказала, подняв голову от книги:

– Ветер поднялся к ночи, будет буран.

---

⁶ **Людская** – здесь: помещение для наемных работников на господском дворе.

⁷ **«Всадник без головы»** – приключенческий роман английского писателя Майна Рида.

⁸ **Прерия** – степное пространство Северной Америки.

Сон

Никита увидел сон, – он снился ему уже несколько раз, все один и тот же.

Легко, неслышно отворяется дверь в зал. На паркете лежат голубоватые отражения окон. За черными окнами висит луна – большим светлым шаром. Никита влез на ломберный⁹ столик в простенке между окнами и видит:

Вот напротив, у белой как мел стены, качается круглый маятник в высоком футляре часов, качается, отсвечивает лунным светом. Над часами, на стене, в раме висит строгий старичок с трубкой, сбоку от него – старушка, в чепце и шали, и смотрит поджав губы. От часов до угла, вдоль стены, вытянули руки, присели, на четырех ногах каждое, широкие полосатые кресла. В углу расселся раскорякой низкий диван. Сидят они без лица, без глаз, выпучились на луну, не шевелятся.

Из-под дивана, из-под бахромы, вылезает кот. Потянулся, прыгнул на диван и пошел, черный и длинный. Идет, опустил хвост. С дивана прыгнул на кресла, пошел по креслам вдоль стены, пригибается, пролезает под ручками. Дошел до конца, спрыгнул на паркет и сел перед часами, спиной к окошкам. Маятник качается, старичок и старушка строго смотрят на кота. Тогда кот поднялся, одной лапой оперся о футляр и другой лапой старается остановить маятник. А стекла-то в футляре нет. Вот-вот достанет лапой.

Ох, закричать бы! Но Никита пальцем не может пошевелить – не шевелится, – и страшно-страшно – вот-вот будет беда...

Лунный свет неподвижно лежит длинными квадратами на полу. Все в зале затихло, присело на ножках. А кот вытянулся, нагнул голову, прижал уши и достает лапой маятник. И Никита знает: если тронет он лапой – маятник остановится, и в ту же секунду все треснет, расколется, зазвенит и, как пыль, исчезнет, не станет ни зала, ни лунного света.

От страха у Никиты звенят в голове острые стекляшечки, сыплется песок мурашками по всему телу... Собрав всю силу, с отчаянным криком Никита кинулся на пол! И пол вдруг ушел вниз. Никита сел. Оглядывается. В комнате – два морозных окна, сквозь стекла видна странная, больше обыкновенной, луна. На полу стоит горшок, валяются сапоги.

«Господи, слава Тебе, Господи!» – Никита наспех перекрестился и сунул голову под подушку. Подушка эта была теплая, мягкая, битком набита снами.

Но не успел он зажмурить глаза, видит: опять стоит на столе в том же зале. В лунном свете качается маятник, строго смотрят старичок со старушкой. И опять из-под дивана вылезает голова кота. Но Никита уже протянул руки, оттолкнулся от стола и прыгнул и, быстро-быстро перебирая ногами, не то полетел, не то поплыл над полом. Необыкновенно приятно лететь по комнате. Когда же ноги стали касаться пола, он взмахнул руками и медленно поднялся к потолку и летел теперь неровным полетом вдоль стены. Близко, у самого носа, был виден лепной карниз, на нем лежала пыль, серенькая и славная, и пахло уютно. Потом он увидел знакомую трещину в стене, похожую на Волгу на карте, потом – старинный и очень странный гвоздь с обрывочком веревочки, обсаженной мертвыми мухами.

Никита толкнулся в стену и медленно полетел через комнату к часам. Наверху футляра стояла бронзовая вазочка, и в вазочке на дне лежало что-то – не рассмотреть. И вдруг Никите точно сказали на ухо: «Возьми то, что там лежит».

---

⁹ Ломберный – покрытый сукном, обычно складной, стол для игры в карты.

Никита подлетел к часам и сунул было руку в вазочку. Но сейчас же из-за стены, из картины, живо высунулась злая старушка и худыми руками схватила Никиту за голову. Он

вырвался, а сзади из другой картины высунулся старичок, замахал длинной трубкой и так ловко ударил Никиту по спине, что тот полетел на пол, ахнул и открыл глаза.

Сквозь морозные узоры сияло, искрилось солнце. Около кровати стоял Аркадий Иванович, тряс Никиту за плечо и говорил:

– Вставай, вставай, девять часов.

Когда Никита, протирая глаза, сел на постели, Аркадий Иванович подмигнул несколько раз и шибко потер руки:

– Сегодня, братец мой, заниматься не будем.

– Почему?

– Потому, что «потому» оканчивается на «у». Две недели можешь бегать высунув язык. Вставай.

Никита вскочил с постели и заплясал на теплом полу:

– Рождественские каникулы!

Он совсем забыл, что с сегодняшнего дня начинаются счастливые и долгие две недели. Приплясывая перед Аркадием Ивановичем, Никита забыл и другое: именно – свой сон, вазочку на часах и голос, шепнувший на ухо: «Возьми то, что там лежит».

Старый дом

На Никиту свалилось четырнадцать его собственных дней, – делай что хочешь. Стало даже скучно немного.

За утренним чаем он устроил из чая, молока, хлеба и варенья тюрю и так наелся, что пришлось некоторое время посидеть молча. Глядя на свое отражение в самоваре, он долго удивлялся, какое у него длинное, во весь самовар, уродское лицо. Потом он стал думать, что если взять чайную ложку и сломать, то из одной части выйдет лодочка, а из другой можно сделать ковырялку – что-нибудь ковырять.

Матушка наконец сказала:

– Пошел бы ты гулять, Никита, в самом деле.

Никита не спеша оделся и, ведя вдоль штукатуренной стены пальцем, пошел по длинному коридору, где тепло и уютно пахло печами. Налево от этого коридора, на южной стороне дома, были расположены зимние комнаты, натопленные и жилые. Направо, с северной стороны, было пять летних, наполовину пустых комнат, с залом посредине. Здесь огромные изразцовые печи протапливались только раз в неделю, хрустальные люстры висели, окутанные марлей, на полу в зале лежала куча яблок, – гниловатый, сладкий запах их наполнял всю летнюю половину.

Никита с трудом приоткрыл дубовую двухстворчатую дверь и на цыпочках пошел по пустым комнатам. Сквозь полукруглые окна был виден сад, заваленный снегом. Деревья стояли неподвижно, опустив белые ветви, заросли сирени с двух сторон балконной лестницы пригнулись под снегом. На поляне синели заячьи следы. У самого окна на ветке сидела черная головастая ворона, похожая на чёрта. Никита постучал пальцем в стекло, ворона шархнула боком и полетела, сбивая крыльями снег с ветвей.

Никита дошел до крайней угловой комнаты. Здесь вдоль стен стояли покрытые пылью шкафы, сквозь их стекла поблескивали переплеты старинных книг. Над изразцовым очагом висел портрет дамы удивительной красоты. Она была в черной бархатной амазонке и рукою в перчатке с раструбом держала хлыст. Казалось, она шла и обернулась и глядит на Никиту с лукавой улыбкой пристальными длинными глазами.

Никита сел на диван и, подперев кулаками подбородок, рассматривал даму. Он мог так сидеть и глядеть на нее подолгу. Из-за нее – он не раз это слышал от матери – с его прадедом произошли большие беды. Портрет несчастного прадеда висел здесь же, над книжным шкафом, – тощий остроносый старичок с запавшими глазами; рукою в перстнях он придерживал на груди халат; сбоку лежал полуразвернутый папирус¹⁰ и гусиное перо. По всему видно, что очень несчастный старичок.

Матушка рассказывала, что прадед обыкновенно днем спал, а ночью читал и писал, – гулять ходил только в сумерки. По ночам вокруг дома бродили караульщики и трещали в трещотки, чтобы ночные птицы не летали под окнами, не пугали прадедушку. Сад в то время, говорят, зарос высокой густой травой. Дом, кроме этой комнаты, стоял заколоченный, необитаемый. Дворовые мужики разбежались. Дела прадеда были совсем плачевны.

Однажды его не нашли ни в кабинете, ни в доме, ни в саду, – искали целую неделю, так он и пропал. А спустя лет пять его наследник получил от него из Сибири загадочное письмо: «Искал покоя в мудрости, нашел забвение среди природы».

Причиною всех этих странных явлений была дама в амазонке. Никита глядел на нее с любопытством и волнением.

---

¹⁰ Папи́рус – тропическое тростниковое растение. В Древнем Египте из него готовили писчий материал. Старинные рукописи, написанные на этом материале, также называются папирусом.

За окном опять появилась ворона, осыпая снег, села на ветку и принялась нырять головой, разевать клюв, каркала. Никите стало жутковато. Он выбрался из пустых комнат и побежал на двор.

У колодца

Посредине двора, у колодца, где снег вокруг был желтый, обледенелый и истоптанный, Никита нашел Мишку Коряшонка. Мишка сидел на краю колодца и макал в воду кончик голицы – кожаной рукавицы, надетой на руку.

Никита спросил, зачем он это делает. Мишка Коряшонок ответил:

– Все кончанские голицы макают, и мы теперь будем макать. Она зажохнет – страсть ловко драться. Пойдешь на деревню-то?

– А когда?

– Вот пообедаем и пойдем. Матери ничего не говори.

– Мама отпустила, только не велела драться.

– Как – не велела драться? А если на тебя наскочат? Знаешь, кто на тебя наскочит, – Стёпка Карнаушкин. Он тебе даст, ты – брык!

– Ну, со Стёпкой-то я справлюсь, – сказал Никита, – я его на один мизинец пушу. – И он показал Мишке палец.

Коряшонок посмотрел, сплюнул и сказал грубым голосом:

– У Стёпки Карнаушкина кулак заговоренный. На прошлой неделе он в село, в Утевку, ездил с отцом за солью, за рыбой, там ему кулак заговаривали, лопни глаза – не вру.

Никита задумался. Конечно, лучше бы совсем не ходить на деревню, но Мишка скажет – трус.

– А как же ему кулак заговаривали? – спросил он.

Мишка опять сплюнул:

– Пустое дело. Перво-наперво возьми сажи и руки вымажи и три раза скажи: «Тани-бани, что под нами, под железными столбами?» Вот тебе и всё...

Никита с большим уважением глядел на Коряшонка. На дворе в это время со скрипом отворились ворота, и оттуда плотной серой кучей выбежали овцы, – стучали копытцами, как костяшками, трясли хвостами, роняли орешки. У колодца овечье стадо сгрудилось. Блея и теснясь, овцы лезли к колоде, проламывали мордочками тонкий ледок, пили и кашляли. Баран, грязный и длинношерстый, уставился на Мишку белыми, пегими глазами, топнул ножкой. Мишка сказал ему: «Бездельник», – и баран бросился на него, но Мишка успел перескочить через колоду.

Никита и Мишка побежали по двору, смеясь и дразнясь. Баран погнался за ними, но подумал и заблеял: «Саааами безде-е-ельни-ки!»

Когда Никиту с черного крыльца стали кричать – идти обедать, Мишка Коряшонок сказал:

– Смотри не обмани, пойдем на деревню-то.

Битва

Никита и Мишка Коряшонок пошли на деревню через сад и пруд короткой дорогой. На пруду, где ветром сдуло снег со льда, Мишка на минутку задержался, вынул перочинный ножик и коробку спичек, присел и, шмыгая носом, стал долбить синий лед в том месте, где в нем был внутри белый пузырь. Эта штука называлась «кошкой», – со дна пруда поднимались болотные газы и вмерзали в лед пузырями. Продолбив лед, Мишка зажег спичку и поднес к скважине, «кошка» вспыхнула, и надо льдом поднялся желтоватый бесшумный язык пламени.

– Смотри, никому про это не говори, – сказал Мишка, – мы на той неделе на нижний пруд пойдем «кошки» поджигать, я там одну знаю – громаднееющая, целый день будет гореть.

Мальчики побежали по пруду, пробрались через поваленные желтые камыши на тот берег и вошли в деревню.

В эту зиму нанесло большие снега. Там, где ветер продувал вольно между дворами, снега было немного, но между избами поперек улицы намело сугробов выше крыш.

Избенку бобыля¹¹, дурачка Савоськи, завалило совсем, одна труба торчала над снегом. Мишка сказал, что третьего дня Савоську всем миром выкапывали лопатами, а он, дурачок, как его завалило за ночь бураном, затопил печь, сварил пустых щей, поел и полез спать на печь. Так его сонного на печке и нашли, разбудили и оттаскали за виски – за глупость.

На деревне было пусто и тихо, из труб кое-где курился дымок. Невысоко, над белой равниной, над занесенными ометами¹² и крышами, светило мглистое солнце. Никита и Мишка дошли до избы Артамона Тюрина, страшного мужика, которого боялись все на деревне – до того был силен и сердит, и в окошечке Никита увидел рыжую, как веник, бородину Артамона, – он сидел у стола и хлебал из деревянной чашки. В другое окошечко, приплюснув к стеклу носы, глядели три конопатых мальчика, Артамоновы сыновья: Сёмка, Лёнька и Артамошка-меньшой. Мишка, подойдя к избе, свистнул, Артамон обернулся, жуя большим ртом, погрозил Мишке ложкой. Трое мальчишек исчезли и сейчас же появились на крыльце, подпоясывая кушаками полушубки.

– Эх вы! – сказал Мишка, сдвигая шапку на ухо. – Эх вы, девчонки!.. Дома сидите – забоялись.

– Ничего мы не боимся, – ответил один из конопатых, Сёмка.

– Тятка не велит валенки трепать, – сказал Лёнька.

– Давеча я ходил, кричал кончанским, они не обижаются, – сказал Артамошка-меньшой.

Мишка двинул шапку на другое ухо, хмыкнул и проговорил решительно:

– Идем дражнить! Мы им покажем.

Конопатые ответили: «Ладно», – и все вместе полезли на большой сугроб, лежавший поперек улицы, – отсюда за Артамоновой избой начинался другой конец деревни.

Никита думал, что на кончанской стороне кишмя кишит мальчишками, но там было пусто и тихо, только две девочки, обмотанные платками, втащили на сугроб салазки, сели на них, протянув перед собой ноги в валенках, ухватились за веревку, завизжали и покатались через улицу мимо амбарушки¹³ и дальше, по крутому берегу на речной лед.

Мишка, а за ним конопатые мальчики и Никита начали кричать с сугроба:

– Эй, кончанские!

– Вот мы вас!

– Попрятались, боятся!

---

¹¹ **Бобыль** – бедный, одинокий, не имеющий своей земли крестьянин.

¹² **Омет** – сложенная в кучу солома.

¹³ **Амбарушка**, амбар – строение для хранения зерна, припасов, различных вещей и т. д.

– Выходите, мы вас побьем!

– Выходите на одну руку, эй, кончанские! – кричал Мишка, хлопая рукавицами.

На той стороне, на сугробе, появилось четверо кончанских. Похлопывая, поглаживая рукавицами по бокам, поправляя шапки, они тоже начали кричать:

– Очень вас боимся!

– Сейчас испугались!

– Лягушки, лягушата, ква-ква!

С этой стороны на сугроб влезли товарищи – Алёшка, Нил, Ванька Черные Уши, Петрушка – бобылёв племянник и еще совсем маленький мальчик с большим животом, закутанный крест-накрест в материнский платок. С той стороны тоже прибыло мальчиков пять-шесть. Они кричали:

– Эй вы, конопатые, идите сюда, мы вам ототрем веснушки!

– Кузнецы косоглазые, мышь подковали! – кричал с этой стороны Мишка Коряшонок.

– Лягушки, лягушата!

Набралось с обеих сторон до сорока мальчишек. Но начинать не начинали: было боязно. Кидались снегом, показывали носы. С той стороны кричали: «Лягушки, лягушата!» – с этой: «Кузнецы косоглазые!» То и другое было обидно. Вдруг между кончанскими появился небольшого роста, широкий курносый мальчик. Растолкал товарищей, с развалцем спустился с сугроба, подбоченился и крикнул:

– Лягушата, выходи один на один!

Это и был знаменитый Стёпка Карнаушкин с заговоренным кулаком.

Кончанские кидали сверху шапки, свистели пронзительно. На этой стороне мальчишки притихли. Никита оглянулся. Конопатые стояли насупясь. Алёша и Ванька Черные Уши подались назад, маленький мальчик в мамином платке таращил на Карнаушкина круглые глаза, готовился дать рёву, Мишка Коряшонок ворчал, оттягивая кушак под живот:

– Не таких укладывал, тоже – невидаль! Начинать неохота, а то рассержусь, я ему так дам – шапка на две сажени¹⁴ взовьется.

Стёпка Карнаушкин, видя, что никто не хочет с ним биться, махнул рукавицей своим:

– Вали, ребята!

И кончанские с криком и свистом посыпались с сугроба.

Конопатые дрогнули, за ними побежали Мишка, Ванька Черные Уши и наконец все мальчишки, побежал и Никита. Маленький в платке сел в снег и заревел.

Наши пробежали Артамонов двор и двор Черноухова и взобрались на сугроб. Никита оглянулся. Позади на снегу лежали Алёшка, Нил и пять наших, – кто упал, кто лег сам со страха, – лежачего бить было нельзя.

Никите стало – хоть плачь – обидно и стыдно: трусили, не приняли боя. Он остановился, сжал кулаки и сейчас же увидел бегущего на него Стёпку Карнаушкина, курного, большеротого, с вихром из-под бараньей шапки.

Никита нагнул голову и, шагнув навстречу, изо всей силы ударил Стёпку в грудь. Стёпка мотнул головой, уронил шапку и сел в снег.

– Эх ты, – сказал он, – будя...

Кончанские сейчас же остановились. Никита пошел на них, и они подались. Перегоняя Никиту с криком: «Наша берёт!» – всею стеною кинулись на кончанских наши. Кончанские побежали. Их гнали дворов пять, куда все они не легли.

Никита возвращался на свой конец взволнованный, разгоряченный, поглядывая, с кем бы еще схватиться. Его окликнули. За амбарушкой стоял Стёпка Карнаушкин. Никита подошел. Стёпка глядел на него исподлобья.

---

¹⁴ Сажень – старая русская единица измерения расстояния, равна 2,16 м.

– Ты здорово мне дал, – сказал он. – Хочешь дружить?

– Конечно, хочу, – поспешно ответил Никита.

Мальчики, улыбаясь, глядели друг на друга. Стёпка сказал:

– Давай поменяемся.

– Давай.

Никита подумал, что бы отдать ему самое лучшее, и дал Стёпке перочинный ножик с четырьмя лезвиями. Стёпка сунул его в карман и вытащил оттуда свинчатку – бабку, налитую свинцом.

– На. Не потеряй: дорого стоит.

Чем окончился скучный вечер

Вечером Никита рассматривал картинки в «Ниве»¹⁵ и читал объяснения к картинкам. Интересного было мало.

Вот нарисовано: стоит женщина на крыльце с голыми до локтя руками; в волосах у нее – цветы, на плече и у ног – голуби. Через забор скалит зубы какой-то человек с ружьем за плечами.

Самое скучное в этой картинке то, что никак нельзя понять, для чего она нарисована. В объяснении сказано:

«Кто из вас не видал домашних голубей, этих истинных друзей человека? (Далее про голубей Никита пропустил.) Кто поутру не любил бросать зернышки этим птицам? Талантливый немецкий художник Ганс Вурст изобразил один из таких моментов. Молодая Эльза, дочь пастора, вышла на крыльцо. Голуби увидели свою любимицу и радостно летят к ее ногам. Посмотрите – один сел на ее плечо, другие клюют из ее руки. Молодой сосед, охотник, любит украдкой на эту картину».

Никите представилось, что эта Эльза покормит, покормит голубей и делать ей больше нечего – скука. Отец ее, пастор, тоже где-нибудь в комнатке – сидит на стуле и зевает от скуки. А молодой сосед оскалится, точно у него живот болит, да так и пойдет, оскалясь, по дорожке, и ружье у него не стреляет, конечно. Небо на картинке серое, и свет солнца – серый.

Никита помуслил карандаш и нарисовал дочери пастора усы.

Следующая картинка изображала вид города Бузулука: верстовой столб и сломанное колесо у дороги, а вдалеке – дощатые домики, церковка и косой дождь из тучи.

Никита зевнул, закрыл «Ниву» и, подпершись, стал слушать.

Наверху, на чердаке, посвистывало, подвывало протяжно. Вот затянуло басом – уууууууууу! – тянет, хмурится, надув губы. Потом завитком перешло на тонкий, жалобный голос и засвистело в одну ноздрю, мучится до того уж тонко, как ниточка. И снова спустилось в бас и надуло губы.

Над круглым столом горит лампа под белым фарфоровым абажуром. Кто-то тяжело прошел за стеной по коридору, должно быть истопник, и под лампой нежно зазвенели хрусталики.

Матушка склонила голову над книгой, волосы у нее пепельные, тонкие и вьются на виске, где родинка, как просяное зерно. Время от времени матушка разрезывает листы вязальной спицей. Книжка – в кирпичной обложке. Таких книжек у отца в кабинете полон шкаф, все они называются «Вестник Европы». Удивительно, почему взрослые любят все скучное: читать такую книжку – точно кирпич тереть.

На коленях у матушки, положив мокрый свиной носик на лапки, спит ручной еж – Ахилка. Когда люди лягут спать, он, выспавшись за день, пойдет всю ночь топотать по комнате, стучать когтями, похрюкивать, понюхивать по всем углам, заглядывать в мышиные норы.

Истопник за стеной застучал железной дверцей, и слышно было, как мешал печь. В комнате пахло теплой штукатуркой, вымытыми полами. Было скучновато, но уютно. А тот, на чердаке, старался, насвистывал: юу-юу-юу-юу-юу!

– Мама, кто это свистит? – спросил Никита.

Матушка подняла брови, не отрываясь от книги. Аркадий же Иванович, линовавший тетрадку, немедленно, точно того только и ждал, проговорил скороговоркой:

– Когда мы говорим про неодушевленное, то нужно употреблять местоимение «что».

Буууууууууу! – гудело на чердаке.

---

¹⁵ «Нива» – журнал, который издавался в Петербурге в 1870–1918 гг.

Матушка подняла голову, прислушиваясь, передернула плечами и потянула на них пуховый платок. Еж, проснувшись, задышал носом сердито.

Тогда Никите представилось, как на холодном темном чердаке нанесло снегу в слуховое оконце. Между огромными потолочными балками, засиженными голубями, валяются старые, продранные, с оголенными пружинами стулья, кресла и обломки диванов. На одном таком креслице, у печной трубы, сидит Ветер – мохнатый, весь в пыли, в паутине. Сидит смирно и, подперев щеки, воет: «Скууучно!» Ночь долгая, на чердаке холодно, а он сидит один-одинешенек и воет.

Никита слез со стула и сел около матушки. Она, ласково улыбнувшись, привлекла Никиту и поцеловала в голову:

– Не пора ли тебе спать, мальчик?

– Нет, еще полчасика, пожалуйста.

Никита прислонился головой к матушкиному плечу. В глубине комнаты, скрипнув дверь, появился кот Васька – хвост кверху, весь вид кроткий, добродетельный. Разинув розовый рот, он чуть слышно мяукнул. Аркадий Иванович спросил, не поднимая головы от тетрадки:

– По какому делу явился, Василий Васильевич?

Васька, подойдя к матушке, глядел на нее зелеными, с узкой щелью, притворными глазами и мяукнул громче. Еж опять запыхтел. Никите показалось, что Васька что-то знает, о чем-то пришел сказать.

Ветер на чердаке завыл отчаянно. И в это время за окнами раздался негромкий крик, скрип снега, говор голосов. Матушка быстро поднялась со стула. Ахилка, хрюкнув, покатился с колен.

Аркадий Иванович подбежал к окну и, вглядываясь, воскликнул:

– Приехали!

– Боже мой! – проговорила матушка взволнованно. – Неужели это Анна Аполлосовна?.. В такой буран...

Через несколько минут Никита, стоя в коридоре, увидел, как тяжело отворилась обитая войлоком дверь, влетел клуб морозного пара и появилась высокая и полная женщина в двух шубах и в платке, вся запорошенная снегом. Она держала за руку мальчика в сером пальто с блестящими пуговицами и в башлыке. За ними, стуча морозными валенками, вошел ямщик, с ледяной бородой, с желтыми сосульками вместо усов, с белыми мохнатыми ресницами. На руках у него лежала девочка в белой, мехом наверх, козьей шубке. Склонив голову на плечо ямщика, она лежала с закрытыми глазами, личико у нее было нежное и лукавое.

Войдя, высокая женщина воскликнула громким басом:

– Александра Леонтьевна, принимай гостей! – и, подняв руки, начала раскутывать платок. – Не подходи, не подходи: застужу. Ну и дороги у вас, должна я сказать, прескверные!.. У самого дома в какие-то кусты заехали.

Это была матушкина приятельница, Анна Аполлосовна Бабкина, живущая всегда в Самаре. Сын ее, Виктор, ожидая, когда с него снимут башлык, глядел исподлюбья на Никиту. Матушка приняла у кучера спящую девочку, сняла с нее меховой капор¹⁶, – из-под него сейчас же рассыпались светлые, золотистые волосы, – и поцеловала ее.

– Лилечка, приехали.

Девочка вздохнула, открыла синие большие глаза и вздохнула еще раз, просыпаясь.

---

¹⁶ **Капор** – женский головной убор с жесткими полями.

Виктор и Лиля

Никита и Виктор Бабкин проснулись рано утром в Никитиной комнате и, сидя в постелях, насупясь глядели друг на друга.

– Я тебя помню, – сказал Никита.

– И я тебя отлично помню, – сейчас же ответил Виктор, – ты у нас в Самаре был один раз, ты еще тогда уткой с яблоками объелся, тебе касторки дали.

– Ну, этого что-то не помню.

– А я помню.

Мальчики помолчали. Виктор нарочно зевнул. Никита сказал пренебрежительно:

– У меня учитель Аркадий Иванович, страшно строгий – задушил ученьем. Он какую угодно книжку может прочесть в полчаса.

Виктор усмехнулся:

– Я учусь в гимназии, во втором классе. Вот у нас так строго: меня постоянно без обеда оставляют.

– Ну, это что, – сказал Никита.

– Нет, это тебе не что. Хотя я могу тысячу дней ничего не есть.

– Эх, – сказал Никита. – Ты пробовал?

– Нет, еще не пробовал. Мама не позволяет.

Никита зевнул, потянулся:

– А я, знаешь, третьего дня Стёпку Карнаушкина победил.

– Это кто – Стёпка Карнаушкин?

– Первый силач. Я ему как дал, он – брык! Я ему ножик перочинный подарил с четырьмя лезвиями, а он мне – свинчатку, – я тебе потом покажу. – Никита вылез из постели и не спеша начал одеваться.

– А я одной рукой Макарова словарь поднимаю, – дрожащим от досады голосом проговорил Виктор, но было ясно, что он уже сдаётся.

Никита подошел к изразцовой печи с лежанкой, не касаясь руками, вспрыгнул на лежанку, поджал ногу и спрыгнул на одной ноге на пол.

– Если быстро-быстро перебирать ногами, можно летать, – сказал он, внимательно поглядев в глаза Виктору.

– Ну, это пустяки. У нас в классе многие летают.

Мальчики оделись и пошли в столовую, где пахло горячим хлебом, сдобными лепешками, где от светло вычищенного самовара шел такой пар до потолка, что запотели окна. У стола сидели матушка, Аркадий Иванович и вчерашняя девочка, лет девяти, сестра Виктора, Лилия. Из соседней комнаты было слышно, как Анна Аполлосовна гудела басом:

– Дайте мне полотенце.

Лилия была одета в белое платье с голубой шелковой лентой, завязанной сзади в большой бант. В ее светлых и вьющихся волосах был второй бант, тоже голубой, в виде бабочки.

Никита, подойдя к ней, покраснел и шаркнул ногой. Лилия повернулась на стуле, протянула руку и сказала очень серьезно:

– Здравствуйте, мальчик.

Когда она говорила это, верхняя губа ее поднялась.

Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошенькая, в особенности глаза – синие и ярче ленты, а длинные ресницы как шелковые. Лилия поздоровалась и, не обращая больше на Никиту внимания, взяла обеими руками большую чайную чашку и опустила туда лицо. Мальчики сели к столу рядом. Виктор, оказывается, пил чай, как маленький, – согнувшись над чашкой, тянулся в нее длинными губами. Украдкой он подкладывал себе сахар

до тех пор, пока в чашке стало густо, тогда томным голосом он попросил разбавить чай водичкой. Толкнув Никиту коленкой, он сказал шепотом:

– Тебе нравится моя сестра?

Никита не ответил и залился румянцем.

– Ты с ней осторожнее, – прошептал Виктор, – девчонка постоянно матери жалуется.

Лиля в это время окончила пить чай, вытерла рот салфеточкой, не спеша слезла со стула и, подойдя к Александре Леонтьевне, проговорила вежливо и аккуратно:

– Благодарю вас, тетя Саша.

Потом пошла к окну, влезла с ногами в огромное коричневое кресло и, вытащив откуда-то из кармана коробочку с иглками и нитками, принялась шить. Никита видел теперь только ее большой бант в виде бабочки, два висящих локона и между нимидвигающийся кончик чуть-чуть высунутого языка – им Лиля помогала себе шить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.